

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И

ВАРВАРСКИЙ МИР

(Тезисы докладов V археологического семинара)

Новочеркасск 1996

О возникновении и этапах развития связей между первичными цивилизациями и степным евразийским миром

Отношения "взаимного интереса", распространение инноваций, обмена между ранними цивилизациями и степным евразийским миром возникли с эпохи энеолита. Они были обусловлены рядом исторических причин, среди которых приоритетными были следующие: разные типы присваивающего и производящего хозяйства в конкретных природных макро- и микроразнообразиях, охота, преимущественное земледелие, преимущественное скотоводство. Появление новых транспортных средств - повозки; начало металлургии и распространение металла. Определенным следствием этого явилась подвижность групп населения. Возможно, она была связана с двумя причинами: кризисом присваивающей экономики и поисками новых природных ниш, отвечающих хозяйственным потребностям. Здесь можно отметить пять наиболее крупных явлений: освоение новых территорий культурой кукутени, импульс влияния переднего Востока и Иранского нагорья на Кавказ, Среднюю Азию и на Север вплоть до Южного Приуралья, освоение степей и установление новых направлений связей степных широтных (ямники и афанасьевы).

Это было время более или менее устойчивых путей и связей. Они фиксируются по распространению металла, сюжетов наскального искусства, отдельным предметам. Их условно можно назвать направлениями. Это направления: 1). Балканы – Северное Причерноморье; 2). Передний Восток – Кавказ – Поволжье; 3). Иранское нагорье – Средняя Азия – Урал; 4). Индостан – Синьцзянь – Тянь-Шань – Алтай; 5). Степное – по поясу степей; 6). Северный Урал – Поволжье – Сейма. Сбор источников, исследование контактов - это область специального исследования. Вряд ли есть основания говорить о каких-то конкретных путях в то время. Они только устанавливались, носили эпизодический характер, и фиксируются или по передвижению групп населения: индоарии, путь через Тянь-Шань в Сицилию в долину Лоб-Нор, андронидного комплекса вдоль степей и карасукского в конце эпохи бронзы, связи восток-запад вдоль степей, или по распространению фиксированных предметов металла, в местах, где он не производился, раковин каури, скарабеев, инкрустированных бус и авестийской символики.

В конце палеометаллической эпохи устанавливаются связи степной Азии и иньского Китая. Здесь можно отметить шелк из Сапалли-Тепе, каменные ножи китайского типа на территории Бактрии. Вряд ли их надо рассматривать как результат одностороннего влияния.

Видимо прав А.-П. Франкфор, указывая на связь окуневской культуры с югом вплоть до верховьев Инда. Сюда можно добавить общие сюжеты и стилистические штампы (так называемый битреугольный стиль, колесницы), которые одинаково присутствуют в наскальном искусстве Саймалы-Таш и наскальном искусстве Индии.

Палеометаллическая эпоха вывела на определенную лидирующую историческую роль скотоводов, кочевников, они начинают играть определенную роль в передаче товаров и новшеств, технологий того времени. Это мы видим в формах ножей, серпов, кельтов и других предметах.

Второй этап контактов связан с античной цивилизацией, эллинистическим миром Востока и скифо-сибирским миром IV–III веков до н.э. и первых веков нашей эры. Для этого времени характерны три основных типа исторических связей.

Первый – это три зоны постоянных контактов: греческий мир и скифы; ахеменидская Персия и Средняя Азия; Китай и хунну и Северная и Центральная Азия.

Второй тип – устойчивые торговые типы. Основной среди них – Великий Шелковый путь с ответвлениями на север на Алтай и Сибирь, в Поволжье и отдельный путь на Север, в Забайкалье. Особенность его в устойчивости и определенной направленности связей. Они носят принципиально иной характер по сравнению с палеометаллической эпохой. Основная тенденция в том, что эти пути выполняли роль определенных экономических и организационных стержней, объединявших другие народы, соединявших разные хозяйственные и культурные традиции Евразии в меридиональном и широтном направлениях.

Третий блок – это фиксированное распространение вещей, связанное, очевидно, с этими путями. Это прежде всего шелк. В Европе шелк с о. Кос, из могильника Хохмишель, Хохдорфе (Баден-Вюртемберг, VI в. до н.э.), из могильников в Афинах и Пантикапея IV–III вв. до н.э. и из Пазырыкских могил Горного Алтая, узор которых сходен с узорами на тканях из Персеполя V–IV вв. до н.э. и из Ай Ханума IV–III вв. до н.э. Вполне справедливо считать, что мог быть и другой путь – вдоль степей Северной Азии из Забайкалья, по которому мог попадать шелк к правителям Горного Алтая, на Енисей. Далее он мог продолжаться к Южному Уралу к Поволжью. А на юге современного Казахстана и Тянь-Шаня, в сакском мире, эти пути могли соединяться.

В.Р. Эрлих

Импорты и проблема абсолютного датирования комплексов предскифского и раннескифского времени (на примере памятников Закубанья)

Проблемы импортов, его характера и достоверности применительно к датированию памятников скифского времени в полной мере возникает еще в предскифский период. Со времени начала военных контактов населения Северокавказского региона и Причерноморья с Закавказьем и Передней Азией, здесь появляются вещи, которые достаточно ярко свидетельствуют об этих контактах, но которые мы можем считать импортами лишь относительно. Для конца VIII – начала VII вв. до н.э. – это бронзовые шлемы, панцири, удила с жестко скрепленными псалями, упряжь колесниц (Эрлих, 1994). Однако достоверным импортом среди этих групп вещей можно назвать лишь урартский шлем из Верхней Рутхи. В то же время клин-ярские шлемы, которые на сегодняшний день являются одним из важнейших хронологических реперов предскифского времени, импортами в полной мере этого слова скорее всего не являются, так как нам не известны ассирийские бронзовые шлемы склепанные из листа, но их форма позволяет сопоставить эти шлемы с изображенными на рельефах. Остальные же инновации могут быть объяснены "импортом идеи" и лишь свидетельствуют о том, что *terminus post quem* для комплексов их содержащих может быть временем начала походов. В любом случае главным для датировки таких комплексов должен являться контекст и относительная хронология, выработанная на его основе.

Другая группа ближневосточных импортов и свидетельств взаимодействия с Передней Азией относится к келермесскому времени. Близость содержимого комплексов курганов

Веселовского, ранних курганов Нартана и 1-го Краснознаменского столь очевидна, что не оспаривается никем. Датировка старшей группы Келермеса по стандарту дышла колесницы из первого Краснознаменского кургана временем Ашшурбанипала (третьей четв. VII в. до н.э.) качественно аналогична датированию комплекса п.186 Клин-яра по шлему. Так как мы не знаем: является ли этот стандарт импортом или подражанием. В то же время канон и популярность богини Иштар в изобразительном искусстве Передней Азии оставляет некоторое пространство для маневра сторонниками как более ранних (И.Н.Медведская), так и более поздних (Т.М.Кузнецова) дат. Возможно реальным переднеазиатским импортом являются золотые калачиковидные серьги из ранних курганов 12, 7 и 9 могильника Нартан. Такие же серьги встречены, однако, в более позднем по контексту 4-ом Ульском кургане 1909 г.

Исследователи Келермеса придерживаются для этого памятника датировок в рамках второй пол. VII в. до н.э. И если Л.К.Галанина (1983) считает, что верхний рубеж этого памятника относится к самому началу VI в. до н.э., то А.Ю.Алексеев предлагает отнести сооружение всех келермесских курганов к более узкому периоду 660-620 гг. до н.э. (Алексеев, 1992). Причем, как замечает автор, хронология памятника строится преимущественно "на предметах импортной торевтики". Эти предметы были разобраны в статье Л.К.Галаниной (1991), но не все вещи здесь можно считать импортами в прямом смысле этого слова. Под это понятие прежде всего попадают украшения трона и табуретов из дворцов, которые рассматриваются как военные трофеи, серебряный ритон, двойная золотая чаша, возможно инкрустированные фалары. Остальные вещи, в которых чувствуется ближневосточное влияние, являются либо изделиями переднеазиатских ювелиров на заказ (меч и кинжал, секира, фалары в скифском зверином стиле), либо продукцией местных ремесленников, творчески переработавших ближневосточные идеи (колокольчики, панцири, навершия).

Итак, в целом для этого круга вещей *terminus post quem* (и только) является временем правления Ашшурбанипала.

Используя узкую хронологию комплексов круга Келермеса, А.Ю.Алексеев получил hiatus, "темное время", в памятниках Северного Кавказа, приходящийся на первую пол. VI в. до н.э. Так, например, для Нартана он выделяет хронологическую лауну между 590–550 гг. до н.э. Действительно, на Северном Кавказе мы практически не имеем импортов этого времени, так как массовые греческие импорты начинают появляться только во второй пол. – конца VI в. до н.э. Однако жизнь на памятниках не замирает. В частности в Закубанье имеются могильники, захоронения на которых продолжаются с предскифского времени (Псекупс, Кочипэ). Посткелермесские комплексы выделяются и благодаря колчанным наборам (Эрлих, 1988).

В связи с этим возрастает значение Ульской курганной группы как памятника, который продолжает существовать с келермесского времени до конца VI – нач. V в. до н.э., т.е. до времени, когда появляются надежные античные импорты. Здесь в течение второй и третьей четв. VI в. до н.э. продолжают встречаться вещи выполненные под ближневосточным влиянием, продолжающие традиции Келермеса, а также "запаздывающие" импорты времени Ашшурбанипала, но уже в отличном от келермесского контексте, (серьги из кург. 4 1909 г., серебряные налобники, золотой наконечник в виде конской головки). Гравированные бронзовые и серебряные псалии из мастерской при ставке вождя, образовавшейся в келермесское время. Не исключается также и прямой перенос этой ставки в район Ульского аула. Эти Ульские комплексы, хотя и не имеют строгих, надежно датированных импортов, заполняют, по нашему мнению, лауну приходящуюся на вторую–третью четв. VI в. до н.э. *Terminus ante quem* для них является время наиболее поздних Ульских курганов (1 и 2 1898 г.), где имеются уже

греческие импорты последней четв. VI – нач. V в. до н.э. (сифон, килик, фрагменты чернофигурного сосуда). Начало массового поступления греческого импорта в Среднее Закубанье в это время подтверждают и находки его в других памятниках (Венцы, Ковалевский), а о его массовости свидетельствуют находки в ранних слоях Тенгинского городища. Таким образом, наиболее достоверный "датирующий" импорт, имеющий преимущество перед контекстом, здесь появляется только в последней четв. VI в. до н.э.

Е.А. Беглова

К проблеме импорта технологии

Взаимоотношения Боспора с варварским окружением чаще всего рассматривается с точки зрения торговых и политических контактов. Эти проблемы можно считать на данном этапе наиболее исследованными, однако далеко не исчерпанными.

Комплексное изучение отдельных категорий инвентаря Барбарикума, сопредельного Причерноморья, делает также актуальным вопрос о внедрении и адаптации античных технологий в местной среде. Данное направление исследования, насколько нам известно, в отечественной науке в силу различных причин, детально не разрабатывалось.

В контексте вышеозначенной проблематики рассматриваются данные, полученные в результате морфологического и технологического анализа керамического комплекса из меотских памятников V-IV вв. до н.э.

В конце V в. до н.э. в ряде могильников Центральной Кубани (Начерзий, Уляп 2, могильники городища 3 у х.Ленина и городища 2 у ст. Старокорсунской), а также поселений и городищ (пос.2 Ульского пенькозавода, Тенгинское городище 2) появляются керамические сосуды сконструированные на круге. Они представлены кувшинами, мисками и вазочками. Поверхность сосудов серого или красного цвета, последние часто орнаментированы полосами красного лака. Аналогичные формы посуды в это время наиболее типичны для античных городов Северо-Восточного Причерноморья.

С рубежа V–IV вв. до н.э. комплекс круговой керамики в кубанских памятниках пополняется кувшинообразными сосудами, одноручными кубками, кубышками и солонками. У этих категорий имеются функциональные прототипы в меотской лепной посуде, однако технология их производства представляет иную традицию, не имеющую истоков в местном гончарстве. Среди круговой керамики этого периода довольно значительный процент составляют красноглиняные сосуды, орнаментированные красным лаком, в чем, возможно, проявилось влияние малоазийского (ионийского) гончарства.

С середины IV в. до н.э. в погребениях начинают появляться новые формы, не известные ранее: канфары, ойнохойи, столовые амфоры, одно- и двуручные чаши – все они являются подражаниями античной керамике, в большом количестве поступавшей на Боспор из Аттики с V в. до н.э. К концу IV в. до н.э. этот комплекс окончательно сформировался. С этого времени в меотских памятниках преобладает сероглиняная посуда, отмечено значительное сокращение количества красноглиняных сосудов, орнаментированных лаком.

Таким образом, выделяется как бы три периода проникновения и распространения керамических форм и технологии, чуждых местной гончарной традиции.

Первый период (конец V в. до н.э.) представлен единичными находками круговой посуды, и говорить о ее массовом распространении не представляется возможным. К сожалению, пока не сделаны анализы глин этих сосудов, вопрос о месте их производства остается открытым. Не исключено, что они были сделаны на Кубани, на каком-либо из крупных городищ, типа Семибратнего или Елизаветинского.

Второй период (первая пол. IV в. до н.э.) характеризуется адаптацией новой технологии к местным формам, когда вырабатывается довольно своеобразный синкретический комплекс столовых форм. Проведенные анализы показывают, что подавляющее большинство круговых сосудов сделано из местных глин, хотя имел место и незначительный импорт. Время бытования этой группы керамики занимает чуть более 50 лет.

Третий период (вторая пол. IV в. до н.э.) отмечен внедрением в местную среду новых, совершенно чуждых форм керамики и массовым ремесленным распространением технологии изготовления столовой посуды с помощью круга. Он охватывает также около 50 лет и заканчивается на рубеже IV–III вв. до н.э.

Дальнейший период развития меотского керамического комплекса характеризуется устойчивой технологической традицией гончарного производства сероглиняной круговой керамики, ставшей "визитной карточкой" меотской культуры, а морфологическая эволюция заимствованных категорий идет по линии все большего упрощения изначально достаточно сложных форм.

Б.Ф. Железчиков, А.В. Фалалеев

Связи ранних кочевников Южного Приуралья с соседями в IV–III вв. до н.э.

Общество степных кочевников не может быть автаркичным. Сама возможность существования, внутренняя политическая стабильность заключена в направлениях и характере связей кочевников с внешним миром, особенно оседло-земледельческим, сырьевыми районами и ремесленными центрами.

Занимая срединное положение в "Великом поясе степей" ранние кочевники Южного Приуралья располагались между северным и южным центрами оседлости с одной стороны, а с другой – между восточным и западным кочевыми мирами, что и обусловило характер и направление связей и этапы их развития.

Для большого хронологического периода в 300–350 лет, что охватывает жизнь 10–12 поколений, можно выделить четыре наиболее важных этапа.

Первый охватывает период с конца VI по нач. V вв. до н.э. В это время кочевники в "готовом виде" появляются в степях Южного Приуралья, и вероятные связи носят генетический характер и, скорее всего, какая-то часть приуральского населения переселяется в приуральские степи. Наиболее ранние комплексы концентрируются в верховьях Илека и Орска.

Весь V в. до н.э. относится ко второму этапу В это время идет постепенное освоение степей Южного Приуралья, формируются два локальных варианта одной культуры: восточный и западный, идет поиск традиционных маршрутов сезонных перекочевок. Главное направление связей этого времени север – юг. Благодаря этому, не только продолжают традиционные связи с населением Средней Азии, но и появляются новые – с северным лесостепным населением. Причем, все многообразие связей резче проявляется в богатых погребальных комплексах.

Это время политической стабильности в степи. Связи с югом носят экономический характер, с севером, скорее всего, даннический. Возможно, кочевники получали из этих районов не только продукцию ремесла (посуду, украшения, оружие и зеркала), но и жен.

Третий этап охватывает время с конца V и весь IV в. до н.э. В это время в Южном Приуралье продолжает развитие одна археологическая культура, которая появилась в конце VI в. до н.э. На этом этапе сохраняются традиционные связи с севером и югом и,

опять же, это проявляется в "богатых" захоронениях (Филипповка, Лебедевка, Новый Кумак, Пятимары). Вместе с тем, идет процесс распространения носителей культуры по всей степной части Южного Приуралья. Фиксируется движение отдельных, скорее всего, больших "богатых" семей в степи Заволжья.

Увеличивается количество предметов вооружения и не только в мужских погребениях, но и в женских, особенно колчанных наборов стрел, доходящих до нескольких сотен. Становятся более разнообразными наборы бус, больше зеркал. Все говорит о том, что кочевники переживают один из благоприятнейших периодов в своей истории, представляют большую силу и, как следствие, происходит усиление контактов с оседлыми центрами севера и юга и отдельные семьи устремляются к западу, в направлении античных центров Северного Причерноморья.

Четвертый этап приходится на рубеж IV–III вв. до н.э. По неясным пока причинам, жизнь в степи постепенно замирает, погребальные комплексы группируются только вдоль крупных водных систем (Урал, Илек, Самара) или перемещаются в зону лесостепи. Идет массовый отток населения из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье и далее в междуречье Волги и Дона. Экономические связи с центрами Средней Азии сохраняются (Прохоровка, Илекская группа, Старые Киешки), но возможен и отток части населения в южном направлении. Явно преобладающим становится западное направление связей. В самой материальной культуре происходят серьезные изменения, которые могут рассматриваться как принципиальные и приводящие к концу III–II вв. до н.э. к смене культур.

Н.Е. Берлизов

К интерпретации ахеменидского импорта в сарматских курганах Южного Приуралья и Прикубанья

Данная проблема впервые была поднята М.И.Ростовцевым, использовавшим иранские изделия из раннекочевнических курганов Приуралья для датировки последних и обоснования их отличия от скифских. А.А.Иессен считал ахеменидский импорт из Приуралья результатом ирано-варварской торговли. К.Ф.Смирнов, Т.В.Савельева и М.Г.Мошкова предположили, что персидские изделия могли быть платой сарматам-наемникам, служившим Ахеменидам.

Проведенное мною уточнение относительной и абсолютной хронологии сарматских древностей позволяет связать появление ахеменидского импорта у сарматов с конкретными событиями.

Ахеменидский импорт известен в сарматских курганах Приуралья (Филипповка, к."Большой"; Матвеевка, к.3; Прохоровка, к.71; Ново-Кумак-71, к.71, п.3 и к. разрушенный; к. на 14 км ж.д. Орск–Ново-Аккермановка; Мечет-Сай, к.8п.5) и Прикубанья (Курджипс, осн. погр.). Он представлен прежде всего золотыми и серебряными изделиями (гривны, ритоны, блюда, чаша, кубок), алебастровым флаконом Артаксеркса I. Несколько выпадают из перечня социально-престижных вещей керамические хумча и фляга и набор сердоликовых бус с содовым орнаментом. В двух случаях ахеменидские вещи встречены с греческими (Прохоровка, Курджипс). Сопутствующий материал всех этих погребений характерен для раннепрохоровского комплекса IV–III вв. до н.э. и не встречается в позднепрохоровских курганах II–I вв. до н.э., хорошо известных на Дону, Украине и в Прикубанье. Раннепрохоровским является и обряд: основные подкурганые погребения в

дромосных могилах и подбоях (в Курджипсе - деревянная гробница с дромосом под каменной насыпью).

Филипповский и Мечет-сайский комплексы, находки из Долинного можно отнести к первой трети IV в. до н.э. по сочетанию в них изделий как прохоровского, так и скифского ("блюменфельдского") облика. Этому не противоречит и датировка происходящих из них импортов.

Остальные погребения с ахеменидскими импортами входят в группу, которую можно ограничить пределами последней трети (четверти ?) того же столетия. Датировка подкрепляется античным импортом из Курджипса и временем производства блюд из Прохоровки.

Итак, ахеменидский импорт попадал к сарматам в начале и в конце IV в. до н.э., причем его состав говорит не в пользу "торговой" гипотезы А.А.Иессена: это чаще всего социально-престижные вещи, а рядовой материал, который всегда в первую очередь иллюстрирует торговые контакты представлен лишь двумя сосудами и набором бус. Более логично выглядит гипотеза, объясняющая появление персидских изделий у сарматов их службой в персидских гарнизонах. Узкая датировка исследуемых комплексов позволяет более конкретно установить, кто же пользовался услугами номадов.

Выплеск иранских вещей в сарматские степи в нач. IV в. до н.э. можно связать с результатами междоусобицы Кира Младшего и Артаксеркса II, в которой с выгодой для себя могли принять участие и кочевники Приуралья.

Импорт в сарматских погребениях конца IV или самого нач. III вв. до н.э. совпадает по времени с разгромом Персии Александром Македонским и последующей борьбой диадохов. Известно, что некие "дахи" и "массагеты" поддержали в войне Дария III, прекрасно проявив себя при Арбелах, а затем участвовали в движении Спитамена. Возможно, часть рассмотренных комплексов действительно принадлежит дахам – союзникам персов.

Греческие доспехи из Прохоровки и Курджипса, флакончик Артаксеркса I и чаша некоего Артамира скорее могли попасть в погребения союзников Александра, чем персов. О возможности присутствия сарматов в македонской армии говорят замечания Псевдо-Каллисфена (126) и Квинта Курция Руфа (IX,2,24).

Об участии сарматов (а возможно – и скифов) в событиях времени распада империи Ахеменидов говорит запустение степей от Днепра до Волги на протяжении всего III в. до н.э. В IV в. до н.э. куюсайская АК в Прикаспии сменяется культурой наземных погребальных склепов с сильно сарматизированным обликом. В Приаралье можно отметить находки прохоровских мечей и дромосных могил с диагональными погребениями. Так в Заволжье сарматские погребения III в. до н.э. содержат черепа андроновского, памиро-ферганского, европеоидного степного и др. типов (на 16 определенных черепов!). При этом у 30% погребенных черепа долихокраничные, что не характерно для сарматов, зато обычно у скифов и куюсайцев. В восточном Прикаспии долихокраничный средиземноморский расовый тип куюсайцев с III в. до н.э. сменяется долихо- мезо- и брахикраничными черепами разных типов, среди которых преобладают андроновский и тип среднеазиатского междуречья. О перемещении сарматов на юг в конце IV в. до н.э. говорит и появление на Устьюрте культовых комплексов типа Байте.

Таким образом ахеменидский импорт мог попасть к сарматам Приуралья и Кубани в результате их участия в усобице 400 г. до н.э. и войнах Александра Великого в 331–324 гг. до н.э.

Особенности распространения античного импорта в Прикубанье (по данным античной керамики VI-I вв. до н.э.)

Изучение особенностей распространения находок античного импорта в бассейне р.Кубани и ее притоков позволяет оценить масштабы влияния центра античной культуры в северопричерноморском регионе на развитие племен СЗ Кавказа. В целях получения более детализированной характеристики вся территория Прикубанья была разделена на основании географических и археологических критериев на восемь сравнимых между собой районов.

1. Район Правобережья Западного Прикубанья включает в себя значительную территорию до Бейсуга на севере, на востоке его граница – возле ст. Марьевской. Основная его часть – равнина, с характерным дельтовым ландшафтом, лиманами и рукавами, облегчающими транспортное сообщение. Появление импортов засвидетельствовано в погребениях кочевников втор.-трет.четв. VI в. до н.э. С сер. IV в. до н.э. ареал находок резко возрастает за счет памятников оседлого населения. Не исключено, что традиционное место зимовки кочевников (окрестности хут.Лебеди), имевшее удобное сообщение с Азовским морем, превращается в IV в. до н.э. в торговый пункт, притягивающий меотское население из внутренних районов Прикубанья. Распространение медных пантикапейских монет в этом районе в конце IV - перв. трет. Ш вв. до н.э. говорит об экономическом и политическом контроле Боспора над этим районом. Сокращение поступающего импорта в эллинистическую эпоху свидетельствует об ослаблении связей Боспора с этим районом. На Левобережье Западного Прикубанья выделены.

2. Таманская группа (Синдика)(Каменецкий,1989). Восточная граница - земляные валы возле Краснобатареиного городища (Анфимов,1948), южная – хребет Семисам. Античная керамика, подтверждающая сообщение источников о ранней эллинизации населения, появляется на памятниках местной культуры (каменные ящики), в архаическую эпоху не позже сер. VI в. до н.э. Эта территория была вовлечена уже во втор. пол. VI в. до н.э. в ближнюю периферию античного мира, форпостом которой уже в конце VI в. до н.э. стало Семибратнее городище. Несколько позднее, видимо в IV в. до н.э., значительная часть этого района была включена в хоругиппийского полиса.

3. Приморская группа расположена южнее таманской, вдоль черноморского побережья (Каменецкий,1989). В материалах памятников этого района отчетливо прослеживаются две традиции: местной культуры предгорий (керкеты, тореты) и, приблизительно с I в. до н.э., традиции меотской культуры (Малышев, 1995). В посл.четв. VI в. до н.э. античный импорт уже получил широкое распространение. Имеющиеся данные свидетельствуют об активных торгово-обменных контактах местного населения с Боспором. Появление захоронений по боспорскому обычаю на местных некрополях датируется не позже I в. до н.э.

4. Район Правобережья Центрального Прикубанья, простирающийся от границы кубанской поймы на западе и до впадения Лабы на востоке, является ядром меотской земледельческой культуры (Каменецкий,1989). Античная керамика появляется на памятниках Краснодарской группы и в кочевнических захоронениях (Усть-Лабинские курганы) не позже последней четв. VI в. до н.э. В нач. IV в. до н.э. происходит резкое возрастание количества амфорной керамики. Наиболее массовыми находками отличаются погребения Елизаветинского городища. Это свидетельствует о том, что появление на нем боспорского поселения в кон. IV в. до н.э., как и на Елизаветовском городище в Подонье,

имело длительную предысторию. Не исключено, что с основанием этого поселения связано расширение ареала античной керамики на Северном Кавказе в целом (см. район № 8).

5. Большая часть Левобережья Среднего Прикубанья имеет пойменный, удобный для земледелия и скотоводства ландшафт. С востока район ограничен р.Лабой, на западе -валами у Краснобатареиного городища. О ранних (втор.–трет.четв. VI в. до н.э.) контактах местного кочевого населения с греческим миром свидетельствует находка амфоры из могильника Циплиевский Кут. К посл.четв. VI в. до н.э., судя по находкам импорта, эти контакты становятся довольно регулярными. Основная масса амфорной керамики, обнаруженной в этом районе, датируется в пределах нач.–трет.четв. IV в. до н.э. В эллинистическую эпоху объемы поступающих в район импортов, особенно по сравнению с Правобережьем (№ 4), резко сокращаются.

6. Правобережье Восточного Прикубанья (к востоку от ст.Ладожской) исследовано, к сожалению, недостаточно. Согласно имеющимся данным, античный импорт появляется здесь в IV в. до н.э. и поступает до нач. I в. до н.э.

7. Западной границей Левобережья Восточного Прикубанья является р.Лаба, восточной - Кубань. Известные здесь археологические памятники свидетельствуют о сложности культурно-этнической истории этого региона (Каменецкий, 1990; Гущина, Засецкая, 1989). Несмотря на все своеобразие памятников оседлого населения (Анфимов, 1967), они тяготеют к кругу меотской культуры. Как и в более западном районе (№ 5), античный импорт распространяется здесь в позднеархаическую эпоху. В конце IV в. до н.э. наблюдается сокращение поступления античной керамики.

8. Тесно связанный с Прикубаньем регион Центрального Предкавказья, судя по находкам античного импорта, был включен в орбиту дальней варварской периферии уже в кон. IV в. до н.э.

Итак, изменения границ ближней варварской периферии (ареала массовых находок античных импортов) за период с VI по I вв. до н.э. происходили трижды: в кон. VI в. до н.э. (районы № 2,3), в нач. IV в. до н.э. (№№ 1, 4, 5) и в кон. IV в. до н.э. (№№ 4, 5). Они тесно связаны с изменениями этнополитической ситуации в регионе (Малышев, 1994).

Е.В. Власова

Ритоны из Семибратних курганов

В составе погребального инвентаря 2 и 4 Семибратних курганов были обнаружены сосуды из золота и серебра, которые обычно называют ритонами. Таких сосудов 5. В 4 кургане (2-я четв. V в. до н.э.) найдены: 1). серебряный ахеменидский ритон с наконечником в виде полуфигуры крылатого козла (т. 117, 119)*; 2). золотой сосуд с наконечником в виде полуфигуры собаки (ил. 59); 3).золотой сосуд с наконечником в виде головы барана (ил. 58); 4). фрагменты сосуда: золотой наконечник в виде головы льва и два серебряных кольца. Фрагменты такого же сосуда были найдены во 2 кургане (ил. 52). В обоих курганах сосуды зафиксированы в мужских погребениях, в изголовье.

Только серебряный ахеменидский сосуд является ритоном в настоящем значении слова (сливное отверстие на морде козла). Это единственный ахеменидский ритон, найденный в курганах Северного Причерноморья скифского периода, и один из двух истинных ритонов, отсюда происходящих (второй найден в Келермесе). Он состоит из каннелированного ствола, украшенного по краю орнаментом из лепестков лотоса, пальметок на дугах, плетенки; наконечника в виде полуфигуры крылатого козла и надетого на него обруча, декорированного "жемчужинами" и рифленой проволокой. При

изготовлении применена выколотка, чеканка, пайка, пунсон. При украшении "бакенбардов" и наружного яруса крыльев, по-видимому, были использованы золотые накладные пластины, о чем свидетельствует наличие отверстий (по 4 – на "бакенбардах" и по 16 – на крыльях). В наружном ярусе одного крыла остатки 4-х золотых гвоздей.

Остальные четыре сосуда – псевдоритоны, так как они не имеют сливного отверстия. Они относятся к разряду рогов-кубков (или питьевых рогов). Конструкция их одинакова: наконечник в виде полуфигуры (собака) или головы животного (баран, лев); средняя часть в виде трубки, сужающейся к наконечнику, с отверстиями у верхнего края; верхняя часть в виде изогнутого цилиндра. По краям напаяны узкие кольца с орнаментом (овы, рубчатая проволока); наконечник прикреплен к средней части золотыми гвоздями. У сосуда с полуфигурой собаки средняя и верхняя части украшены орнаментом из ромбов и лепестков лотоса, выполненный металлическим карандашом без предварительной разметки. Декор из ов, вероятно, был получен путем прокатки по золотому листу колеса с нанесенным орнаментом (определение Р.С.Минасяна).

Эти сосуды представляют собой не целые формы, а нижние части - основы рогов-кубков, в которые вставлялись стволы из рога или дерева, не сохранившиеся до нашего времени. Края стволов были украшены золотыми треугольными пластинами (Ростовцев, 1925, с.355). В 4 Семибратнем кургане таких пластин было найдено пять, две с изображением орла, терзающего ягненка (т. 11 8); одна с изображением дракона-сенмурва (т. 121); одна с изображением крылатого льва, терзающего козла (т. 116). Точно такая же пластина найдена во 2 Семибратнем кургане (т. 122). Изображения на пластинах выполнены в технике басмы. Верхний край пластин загнут, а по периметру сделаны отверстия для гвоздей (часть их сохранилась). К сожалению, пластины были выпрямлены и реконструкция сосудов невозможна. Можно говорить лишь о том, что во 2 и 4 курганах было по одному сосуду с наконечником в виде головы льва и накладной пластиной с изображением орла и ягненка.

Конструкция сосудов, их одинаковые пропорции и размеры, применение одинаковых технических приемов позволяют предполагать их происхождение из одного центра. Вероятно, там же был сделан хранящийся в Берлине сосуд из так называемого "Майкопского клада" (фрагменты нижней части и накладная пластина: орел, терзающий рыбу).

Очевидно, рог и дерево части использовались при изготовлении рогов-кубков, но из-за плохой сохранности органических материалов до нас дошли не многие изделия такого рода (напр., рога-кубки из Солохи, Талаевского кургана, Большой Знаменки. Вероятно, и "малый ритон" из Гаймановой могилы представляет собой нижнюю часть сосуда, ствол которого не сохранился). Однако, в курганах нередко находки золотых накладных пластин. Некоторые из них могли принадлежать рога-кубкам (напр., две золотые пластины, происходящие из центральной гробницы Толстой Могилы). На каменном изваянии 2-ой пол. V в. до н.э., найденном близ Николаево, изображен рог, украшенный накладной пластиной в виде головы грифа (Ольховский, Евдокимов, 1994, № 11).

Примерно на рубеже VI–V вв. до н.э. рог появляется в качестве атрибута на скифских изваяниях, т.е. памятниках **собственно скифского искусства**, происходящих с обширной территории от современной Молдовы до Кавказа, наряду с такими традиционными атрибутами как меч, горит с луком и стрелами, гривна, секира, которые имеются и на изваяниях предшествующего периода. Позже, в IV в. до н.э., изображение рога-кубка появляется на памятниках греко-скифской торевтики, среди которых треугольная пластина и большой рог-кубок из Карагодеуаша, пластина из Сахновки и многократно тиражированные бляшки со сценой "клятвенного обряда" и бляшки типа "богиня с зеркалом – скиф с рогом". Сосуды же из Семибратних курганов являются самыми ранними

экземплярами среди кубков-рогов, найденных в курганах Северного Причерноморья (2-я четв. V в. до н.э.)

* - №№ таблиц (т) и иллюстраций (ил) даны по книге: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага-Л., 1966

А.Р. Канторович

Образ оленя в степной Скифии

и некоторые проблемы изучения скифского звериного стиля

1. Осуществленное ранее автором исследование отображения оленя в искусстве звериного стиля степной Скифии привело к выявлению двух базовых иконографических тенденций, соответствующих двум сюжетным линиям – т. наз. "летающего" оленя и лежащего оленя (Канторович, 1994).

В предлагаемом докладе автор распределяет изображения, составляющие обе вышеупомянутые линии, по их отношению к альтернативным значениям 12-ти базовых композиционных и стилистических признаков. В результате подтвердилась версия о дифференциации данных иконографических тенденций при наличии некоторых зон их пересечения. При этом, по ключевым композиционным и стилистическим признакам олень "летающий", т.е. классический "скифский олень", при всем разнообразии его отдельных воплощений, четко отделяется именно от преобладающего в степной Скифии определенного направления в разработке сюжета оленя лежащего, приведшего к формированию особой сюжетно-стилистической группы лежащих оленей (крупнейший среди изображений оленя в степной Скифии), которую удобно именовать по эталонным изображениям завадско-акмечетской. При этом в качестве промежуточных между двумя этими иконографическими массивами выступают в степной Скифии некоторые изображения лежащего оленя, относящиеся к V в. (Ильичево), кон.V–нач.IV вв. (Елизаветовская) и IV–нач.III вв. до н.э. (Александропольский курган), которые сочетают характерные черты, присущие обоим этим массивам.

2. Таким образом, представляется несколько упрощенной предложенная недавно А.Ю.Алексеевым и Е.Ф.Чежиной (1994) схема эволюции изображений оленя в Степи (от "летающих" оленей через изображения типа Ильичева к лежащим оленям того типа, который именуется нами завадско-акмечетским). Видимо, две указанные базовые иконографические линии сосуществовали развиваясь. При этом линия "летающего" оленя, как несомненно более ранняя, с одной стороны, могла быть импульсом для возникновения композиции лежащего оленя завадско-акмечетского типа (иконография которого в то же время сложилась и под влиянием схемы крестовидных "ольвийских" блях – ср. структуру рогов, – и под влиянием греческой декоративности – ср. уподобление рогов пальметке), но при этом, с другой стороны, продолжала эволюционировать самостоятельно, что отразилось в появлении ее наиболее позднего воплощения - кульбского оленя, (необоснованно, на мой взгляд, удревненного А.Ю.Алексеевым и Е.Ф.Чежиной). Возможно, что композиционная основа сюжета лежащего оленя восходит не только к "летающему" оленю, но и к переднеазиатской традиции изображения лежащих копытных (в том числе и оленей), - равно как и мотив "дробной лопатки" завадско-акмечетских оленей, столь не характерный для классического "летающего" оленя и, напротив, популярный в искусстве Ахеменидов, наследующем этот мотив из трафаретов ассирийского искусства.

3. В докладе предпринимается попытка подробного сравнения изображений завадско-акмечетской группы в целях выявления наиболее характерных изображений. Эта сюжетно-стилистическая группа насчитывает 19 оригинальных изображений V–IV вв. до н.э. (всего

с учетом копий – 98 экз.), и, кроме того, с ней следует связывать и некоторые аналогии того же времени, происходящие из Лесостепи и Прикубанья. Наконец, ряд изображений оленя и других копытных, которые не могут включаться в эту группу, имеют в отдельных своих элементах сходство с ее иконографией.

4. При распределении изображений группы по всей совокупности признаков (24 признака, 50 значений) четкой дифференциации изображений не произошло, что указывает на внутреннюю целостность группы.

5. Опыт анализа изображений оленя приводит к мысли о целесообразности разделения признаков, по которым осуществляется дифференцирование изображений, на два уровня. На первом уровне – признаки, характеризующие композицию изображения, взаиморасположение частей тела животного, анатомические пропорции. На втором уровне – признаки, связанные с оформлением анатомических деталей и их возможным декорированием. При дифференцировании изображений в соответствии с их отношением к вариантам признаков первого уровня более четко выделяется ядро сюжетно-стилистической группы, связанное в первую очередь с базовой композиционной схемой, в рамках которой, как представляется, осуществлялись стилистические упражнения мастеров, а также различные искажения при копировании и тиражировании – т.е. те явления, которые находят свое отражение преимущественно в связи с признаками второго уровня. Такой подход позволяет сужать круг аналогий, привлекая наиболее близкие и отсекая второстепенные именно на первом уровне изучения.

Близкий прием применил в своей недавней работе Ю.Б.Полидович (Полидович, 1994), дифференцирующий аналогичные две группы признаков при изучении сюжета свернувшегося хищника, причем его сравнение изображений осуществлялось лишь по первой группе признаков.

6. В результате дифференцирования изображений завадско-акмечетской группы по признакам первого уровня (11 признаков, 24 значения) выявляется "композиционное ядро" группы – в основном это изображения V–нач.IV вв. до н.э. Это ядро не полностью совпадает со "стилистическим ядром" группы, выделяемым по признакам второго уровня (13 признаков, 29 значений) – здесь доминируют изображения кон.V–IV вв. до н.э. Такое расхождение логично, ибо сначала сложилась та композиционная традиция, на основе которой сформировалась завадско-акмечетская группа, а уже позже законсервировались (после отсека "лишнего") необходимые элементы стилистики, связанные со специфичной для данной группы трактовкой конкретных деталей. Совокупное же ядро группы составлено преимущественно изображениями V–нач.IV вв. до н.э.

7. Кроме того, в рамках завадско-акмечетской группы выявляется особая подгруппа из 4 изображений на навершиях 2-й пол. IV – нач.III вв. до н.э.; этим изображениям присущи, наряду с чертами, характерными для всей группы в целом, некоторые общие особенности, выделяющие их.

Г.Н. Вольная

Об одном античном образе в скифских памятниках

В европейской части России и Украины известно около 20 изображений зайцев, происходящих из скифских памятников. Этот образ встречается на навершиях штандартов, конских налобниках, накладках и нашивках на одежду и головные уборы, пекторалях, зеркалах, происходящих из курганов Чертомлык, Куль-Оба, Большая Близница, Ульского аула, Семибратних, Темир-Гора, Старшая могила, Острая могила, Осняги, Басовка, Скоробор, Гуляй-Город, Аксютинцев, Нартанский, Новосельские сады.

Ранние изображения зайцев VII–нач.V вв. до н.э. немногочисленны (5 экз.) и стилистически связаны со скифскими традициями. Наибольшее распространение образа зайца приходится на середину V–IV вв. до н.э. (13 экз.), когда изображения имеют ярко выраженное античное влияние. Для раннего периода характерно изображение голов животного. В античных изображениях выделяются: сцены охоты на зайца (псовой и конной), терзания (орлом и хищным животным), в ряде случаев зайцы помещены на голове животных и птиц. Животные изображены скачущими или сидящими. Сцены охоты и терзания сопутствуют друг другу и, вероятно, являются семантически идентичными. Изображение охоты на зайца из кургана Куль-Оба иллюстрирует, по мнению Д.С.Раевского (1985), рассказ Геродота о погоне скифов за зайцем перед битвой с персами, а также эпизод охоты Хамыца на зайца из осетинского нартовского эпоса. При этом им отмечается связь образа зайца с женским началом, водной стихией и хтоническим миром. Существует определенная связь образа зайца с божеством охоты "упустить зайца значит упустить удачу" (военную или охотничью).

Божество охоты, покровитель диких зверей у многих народов мира первоначально имело женский облик. "Хозяйки зверей" известны еще с эпохи бронзы (Афродита, Астарта, Иштар, Кибела, Дали и др.). Однако с переходом к земледелию, от материнского рода к отцовскому, многие из них утрачивают свои первоначальные функции и становятся божествами плодородия. Зайцы в качестве животных, посвященных этим богиням и сопутствующие им на изображениях, вместе с женскими божествами уходят из сферы охотничьих культов. Образ этого животного продолжал сопутствовать богиням и в их новом качестве. Например Афродита, как богиня плодородия, изображалась с зайцем и зеркалом (рельеф Вилла Альбани). С.С.Бессонова (1983) связывала такие изображения с аграрными мистериями. В погребениях скифянок (Стайки Верх, Осняги, Чертомлык, Гуляй-Город, Новосельские Сады) наряду с изображениями зайцев на различных предметах также обнаружены зеркала. Сочетание солнечного оплодотворяющего начала (зеркало) и водного-порождающего (заяц) является отражением земледельческих культов.

В женском погребении могильника Новосельские Сады изображению пары зайцев на зеркале сопутствует алтарь с кусочком красного реальгара, олицетворяющий кровь и жертвоприношение. S-образно вывернутые зайцы на этом зеркале аналогичны телам животных в сценах терзания в памятниках савроматского, сакского и сибирского зооморфного искусства. В азиатской части скифского мира, по мнению Д.С.Кубарева (1991) S-образность тел отражает границу соединения женского и мужского начала. Это соединение происходит через терзание = оплодотворение в земледельческих культах. Заяц в них является жертвенным животным, посвященным богине плодородия и соответствует женскому порождающему началу. Поэтому изображения зайца чаще встречаются в женских погребениях; в мужских заяц присутствует в сценах охоты.

Довольно редкое изображение зайцев на собственно скифских предметах, вероятно, связано с его табуированием в скифской среде воинов и охотников. Сохранилось негативное отношение к зайцу среди охотников Северного Кавказа (кабардинцев, осетин, вайнахов). В этих пережитках отразилось негативное отношение патриархального института к архаичным женским культам, связанным с охотой, которые были заменены мужскими. В античной среде заяц воспринимался лишь как эротический символ Афродиты и ее порождающего начала, как покровитель женщин. Поэтому, благодаря античным мастерам, образ зайца получил распространение в скифской среде.

К вопросу об этногенезе ранних алан

VII - середина V вв. до н.э.

1- Нартанский кург.;	10- Осныги, кург. 5;
2- Гуляй-Город, кург. 38;	11- Скоробор, погр. 19;
3- Острая могила;	12- Аксютинцы, кург. Стайкин Верх
4- Новосельские Сады;	13- Темир-Гора
5- Старшая могила;	14- Куль-Оба
6- Басовка, кург. А;	15- Чертомлык
7- Куль-Оба;	16- Ульский аул, кург. 2;
8- Б.Близица, Толстая Могила	17- Б.Близица;
9- Семь братьев	18- Куль-Оба

Ранние аланы оформились в результате синтеза близкородственных ираноязычных племен (или их частей) района Окса–Яксарта–Приаралья. Возможно, решающую роль в генезисе нового этнообразования сыграли политические события в этом регионе в конце II в. до н.э. В новом союзе племен сако-массагетского круга быстро усиливались Кангюй и Усунь (асии). После того, как в 36 г. до н.э. мятежный Бихуаньчжи с 80 000 подданных из-за междоусобиц покинул Усунь и удалился в Кангюй

(синтез !?), последний, разумеется, усилился. Вскоре, в начале н.э., Кангюй завоевывает Яньчай (аорсов), в результате чего владение "Яньчай переименовалось в Аланья" (Н.Я.Бичурин).

Имя "аланы" в восточных источниках появляется в самом начале н.э. (между 25 и 50 гг.). Примерно в это же время данный этноним появляется в античной традиции. Казалось бы, это дает надежное свидетельство времени окончательного оформления этноса. Однако, Д.А.Мачинский, поддержанный К.Ф.Смирновым и А.С.Скрипкиным, обратили внимание на интересный рассказ Страбона о войне роксолан под предводительством Тасия с полководцем Митридата Эвпатора Диофантом (конец II в. до н.э.). Географ привел также довольно подробную этносоциальную характеристику роксолан. Подтверждение этому сообщению Страбона исследователи видят в Херсонесском декрете в честь Диофанта, где роксаланы названы "ревксиналами".

По мнению Д.А.Мачинского, миграция юечжей и события в закаспийских степях середины II в. до н.э. обусловили появление на исторической арене роксалан - авангарда "аланского этнического массива, восточное, а точнее массагетское происхождение которого несомненно". К.Ф.Смирнов время появления роксалан в юго-восточной Европе отнес ко II в. до н.э. Он признал также "тесную связь роксалан с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен". А.С.Скрипкин считает, что сведения Страбона, "в основном, относятся к II-I вв. до н.э." и полководцу Митридата Диофанту действительно пришлось "воевать с роксаланами, возглавляемыми Тасием".

Разумеется, имеются определенные сомнения в "безоговорочной добросовестности" и "безупречности" цитированного сюжета Страбона. Указывая на это, Л.С.Ильюков и М.В.Власкин вместе с тем отмечают, что в любом случае "уже в начале н.э. в поле зрения античных писателей появилось новое этническое имя – роксаланы."

Как представляется, прежде чем имя "алан" в начале н.э. попало на страницы произведений античных авторов, носители этнонима должны были какое-то время находиться в поле их зрения. В противном случае трудно объяснить поразительную осведомленность римской традиции о жизни и быте алан. Страбон (умер в 23 или 24 гг.) приводит пространную этнографическую характеристику роксалан, едва ли не в деталях совпадающую с характеристикой алан, данной Аммианом Марцеллином. Аланы в начале н.э. настолько хорошо известны в Риме, что упоминаются не только в историко-географических, но и в литературных произведениях (Сенека, Лукан).

Таким образом, уже в середине I в. широким слоям населения аланы были известны. Это косвенно подтверждает гипотезу Д.А.Мачинского, К.Ф.Смирнова и А.С.Скрипкина о возможном появлении роксалан в юго-восточной Европе еще в конце II в. до н.э.

Яньцай и ранние аланы

1. Упоминание в ряде китайских источников владение Яньцай – одно из государств Западного края, чья географическая локализация и этническая принадлежность – предмет многочисленных споров. По сообщению "Ши цзы" и "Хань шу", Яньцай – кочевое владение, расположенное в 2000 ли СЗ Кангюя, на побережье болотистого Северного моря. Под Северным морем чаще всего понимается Каспий или Арал и локализация Яньцай варьирует от Предкавказья до Сырдарьи. Наиболее аргументированной на сегодняшний день является версия, помещающая Яньцай в р-не г.Кзыл-Орда и низовьев Сырдарьи (Боровкова, 1989).

2. Вопрос об этнической идентификации Яньцай должен решаться в соответствии с локализацией этого владения. Низовья Сырдарьи археологически представлены культурой "болотных городищ", которая связывается с массагетами (Бернштам, 1951; Толстов, 1962). Описание Страбона области массагетов содержит интересные совпадения с описанием Яньцай в китайских хрониках. В обоих случаях речь идет о регионе, богатом лесами и насыщенном болотами; страна массагетов, как и Яньцай, граничит с морем; название моря у Страбона то же, что и у Сыма Цяня - Северное, причем в обоих случаях имеется в виду Арал.

По сообщению "Хоу Хань шу" где-то в сер. I в.н.э. Яньцай меняет свое имя на Аланьна, отождествляемое с аланами. Несколько позднее в европейской письменной традиции появляются сведения об аланах, как о бывших массагетах.

Древним китайским авторам были достаточно хорошо известны кочевые племена, населяющие Среднюю Азию - тохары (юэжжи, позднее тухоло), саки (сэ), асии-асианы (усунь) и т.д. Массагетов же мы ни в одном китайском источнике не встречаем, хотя они несомненно должны быть известны, но, вероятно, фигурируют под каким-то другим именем. И.Маркварт высказывал предположение, что Ам-тсат (древнее чтение Яньцай) в действительности есть китайская передача имени массагетов.

3. Если принять равенство Яньцай=массагеты, наиболее ранний этап этногенеза алан можно предположительно представить следующим. Юго-восточнее Яньцай было расположено крупное кочевое владение Кангюй, населенное вероятно, несколькими родственными ираноязычными племенами. С севера и запада сюда проникали сарматы и массагеты, с востока – усунь, а позднее - хунну, с юга - да-юэжчи. Здесь формируется, а затем и возвышается первоначально небольшое племя - аланы, которое становится своеобразным нобилитетом, аристократической верхушкой других, родственных племен. В результате политических событий (образование Кушанской державы, давление усуней и хунну и т.д.), а возможно и климатических изменений, кингюйские аланы приходят в движение. Где-то во 2 четв. I в. до н.э. часть их проникает в Предкавказье и СВ Причерноморье, где оставляет богатейшие курганы на Нижнем Дону и Нижней Кубани, содержащие внушительное количество центральноазиатских элементов. Судя по исключительной роскоши курганов, аланы и здесь сохранили свой "элитный" статус, а различия в погребальном обряде между донскими и кубанскими группами показывают, что этнически они не были абсолютно идентичны.

В то же время другая группа кангюйских алан подчиняет себе Яньцай, что и отразилось в "Хоу Хань шу" как факт переименования Яньцай в Аланьна и попадания его в зависимость от Кангюя. Вероятно и здесь могущественная аланская знать стала во главе массагетского объединения. Спустя сто лет в результате событий, происходивших в глубинах Азии, часть алан-массагетов также продвигается на запад, придав восточное

своеобразие "позднесарматской" культуре. С.А.Яценко (1993) отмечена закономерность наименования "бывшие массагеты" по отношению к аланам – "поздним сарматам".

4. К V в.н.э. относятся два противоречивых сообщения: "Вэй шу" информирует о новом названии владения Яньцай - Сутэ, а "Ши сань чжоу ши" дифференцирует два этих владения, отмечая что "Яньцай и Сутэ имеют каждый своего владельца". Учитывая, что большинство специалистов локализует Сутэ в долине Зеравшана и идентифицирует его с Согдом, можно предположить, что автор "Вэй шу" ставил знак равенства не между двумя географическими, а между двумя этническими понятиями, свидетельствуя, таким образом, о переселении группы кочевников из Яньцай и Кангюя в Согд. Археологические материалы подтверждают реальность миграций населения Нижней и Средней Сырдарьи как на запад, так и на юг и юго-восток, в районы Западной Ферганы и Бухары во II-IV вв. (Левина, 1993; Заднепровский 1994). Более того, китайские хроники позволяют высказать мнение, что часть переселенцев была аланами. "Суй шу" и "Бэй ши" сообщают, что одно из согдийских владений, Му, управлялось потомком канпойского дома по имени Аланьми. В "Тан шу" говорится, что владение Ань (Бухара) – земля кангойского малого правителя, а столица владения до сер. VII в. называлась Аланьми.

5. Наиболее сложной для разрешения остается проблема выделения аланских древностей в археологических материалах ЮВ Приаралья Согда и Средней Азии в целом.

С.А. Яценко**О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I - сер. III вв. н.э.)**

В докладе анализируется сводка античных ремесленных изделий с изображениями греко-римских божеств, найденных в могилах европейских кочевников. (Исследуется период от крупного перемещения основных степных племен ок. сер. I в. н.э. до миграции готов).

Среди сарматологов преобладает мнение, что такие предметы оказывались в руках кочевников случайно (в ходе торговли или во время набегов); из чего следует, что специальное рассмотрение данного материала вряд ли имеет смысл. Однако анализ изображений античных божеств из степной Сарматии дает неожиданную и весьма любопытную картину.

Предметы с изображениями обнаружены в погребениях лиц определенного пола, возраста и социального положения – у взрослых женщин-аристократок (у знатных мужчин найдены лишь вещи с "туземными" персонажами: пояс из Порогов, пиксида из Косики; пол умерших из Садового и Соколовского №3 не установлен).

В женских могилах известны целые серии предметов с античными антропоморфными изображениями от 2 до 8 экз. (Соколова Могила, Хохлач, Чугуно-Крепинка). При этом греко-римские изображения подчас выломаны из соответствующих изделий и вставлены в золотые аксессуары кочевнического костюма (диадема из Хохлача, гривна из Чугуно-Крепинки); в Чугуно-Крепинке бронзовые личины актера и негра во вторичном использовании помещены вместе в кожаный мешочек.

Изображения античных божеств представлены на немногочисленных типах изделий, обычно - предметах костюма и сосудах: металлические статуэтки, диадемы, браслеты, перстни, фибулы-броши и медальоны, а также металлические тазы, чаши и ойнохойи.

На изображениях степной Сарматии из всего многообразия греко-римских божеств неоднократно представлены только три персонажа: Эрот, Силен и Афина/Минерва, которые, видимо, ассоциировались с определенными местными божествами (Эрот: золотая статуэтка из Хохлача, золотой браслет из Ногайчина, золотая диадема из Мигулинской,

Греческие гиппокампы и трехногие кони нартовского эпоса осетин

бронзовый медальон из кург. 9 Валового 1, бронзовый перстень из Соколовой Могилы; Силен: гемма из Чугуно-Крепинки, сосуды из Соколовой Могилы, Соколовского №3 и Садово-го; Афина/Минерва: золотая фибула-брошь из кург.32 в Усть-Лабинской, бронзовая гирия из хут.Холодный, бронзовая статуэтка из Зернограда). При этом лишь Эрот представлен на массивных золотых предметах.

Показательно сравнение нашего материала с изображениями греческих божеств, использовавшихся европейскими скифами V–IV вв. до н.э. (Раевский, 1985). При не меньшем обилии как драгоценных, так и недорогих предметов античного импорта у сарматов-аланов сер.I – сер.III вв., круг используемых сюжетов невелик, а сами изделия встречаются много реже. Естественный общий со скифами образ – Афина. Отсутствуют обычные для скифов Горгона, Геракл, nereиды, сирены, менады, Пан, Ахилл, зато довольно обильно представлены Эрот и Силен.

В чем причина подобных отличий? Во-первых, это, видимо, заметная разница в структуре пантеона. Во-вторых, у отдельных группировок кочевников раннеаланского времени, вероятно, не сложились стабильные дружественные контакты с причерноморскими греками и Римом, в результате чего античные мастера гораздо реже выполняли заказы кочевников. В-третьих, в связи с несколько большим архаизмом и культурной обособленностью номадов I–III вв., их божества, видимо, в целом реже изображались, и при этом чаще – собственными мастерами.

С какими же божествами сармато-аланов ассоциировались три названных античных персонажа? Выяснить это нелегко, так как в текстах развитого античного и раннесредневекового индоиранского общества не представлены ни могучая богиня-воительница с функциями плодородия, ни лесной демон со звериными ушами, подобный греческому Силену, а крылатый юный бог-лучник не играет в пантеоне большой роли (индийский Кама). Что же касается более архаичных религиозных воззрений кочевых индоиранцев, то их тексты до нас почти не дошли. В связи с этим перспективно обращение к сохранившимся древние языческие верования группам индоиранцев: осетинам и кафирам (нуристанцы).

Изображения мужского божества со звериными ушами и, иногда, рогами, подобного греческому Силену, встречаются у ираноязычных народов скифского и хунно-сарматского времени на огромной территории от Ордоса и Западной Монголии до Украины и Ирана (этот предполагаемый "хозяин зверей" представлен в облике всадника верхом на олене или на горном козле; конного охотника на копытных; танцующим вместе с богиней; держащим за лапы пару хищников; в виде личин и др.). У осетин, потомков сармато-аланов, одним из важнейших божеств до сих пор оставался покровитель диких животных Афсати, имевший некоторые зооморфные черты и представлявшийся зачастую всадником на олене.

При идентификации двух других персонажей может в какой-то степени помочь кафирское язычество. У кафиров до недавних пор почиталась богиня Дизани, по функциям близкая архаической Афине. К сожалению, у потомков сармато-аланов облики основных женских божеств подверглись в средневековье серьезной деформации.

Образ греческого Эрота в I–VII вв. получил известную популярность у ираноязычных кушан и затем – согдийцев (предметы костюма из Тилля-Тепе, рельефы айвана в Пенджикенте, роспись зала № 3 в Афрасиабе и др.). Очевидно приспособление образа этого бога-лучника к местным верованиям (изображены подчас группами, в воде, входят в свиту речного божества, часто бескрылы и т.д.). Весьма важны в связи с этим образы 7 кафирских братьев Панеу, которые, видимо, первоначально играли в пантеоне несколько большую роль.

Изображения коней с человеческими головами и крыльями из рыб VII–VI вв. до н.э. (кург. Мельгуновский, Келермесский), гиппокампов IV–III вв. до н.э. (кург. Карагодеуашх, Александропольский), I–II вв. н.э. (Садовый, Высочино VII погр.28, Танаис, погр.108) из Северного Причерноморья, несущие на себе печать урартского и греко-римского влияния, и раннего средневековья из Рекома в Северной Осетии, сопоставляются с трехногими (хромыми) конями (Кузнецов, 1980; Пчелина, 1986; Яценко, 1992). Такое решение, в отличие от других (Алборов (рукопись); Чочиев, 1985), вполне оправдано, а образ эпических коней сложился в рамках законов фольклора (Ляпушкин, 1970). О связи трехногих коней с водным (ктоническим) миром свидетельствуют материалы самого эпоса. У абхазо-адыгов для подобных коней сложилась иная описательная система (Ляпушкин, 1891; Ардзинба, 1989). В одном сказании коню подвешивают колокольчики "Царя кораблей", который представляется вариантом Хуандон-алдара – эпического отражения боспорских царей.

По осетинскому эпосу, в царстве Хуандон-алдара обитали олень-рыбы, образ которых, с учетом семантической близости образов оленя и коня, мог сложиться под влиянием образа "хуннского дракона", известного по материалам Сибири, Придонья и Прикубанья. У балкар-карачаевцев трехногий (хромой) морской конь Гемуда описывается имеющим рыбий хвост, глаза и жабры. Видимо, такая "натуралистическая" характеристика является тюркским вкладом в заимствованный от ассимилированных алан образ. Вообще, образ подобных коней в северокавказских нартиадах представляется происходящим из аланской культуры, у адыгов конь Тотреша был объезжен в Алунии, что почти совпадает с "аллон" – эпическим именем алан (Аутлев, 1992) и созвучно названию Алуандрии – Алании армянских источников (Тревер, 1959; Артамонов, 1962). У кабардинцев известен трехногий конь, но его родина находится между Каспием и Аралом, напоминая об истории Яньцай-Аланья.

Вряд ли образ эпических коней сложился у алан в I–II вв. н.э. в Придонье (Яценко, 1992). О связи со Средней Азией свидетельствуют материалы Александропольского кургана (Алексеев, 1993). Считается, что Китай заимствовал всаднические традиции от хуннов, а те – от скифов и юэчжей (Laufer, 1914; McGovern, 1939). В китайских легендах небесный конь превращается в белого дракона. В реальной жизни кони выше восьми чи назывались драконами (Юань Кэ, 1987), а узда лошадей императорского выезда – "уздой для дракона" (Малявин, 1989). Возможно, изображение драконов с лошадиными головами на подвесках из Тилля-тепе связано с отмеченной традицией. Наибольшей популярностью в Китае пользовались рослые ферганские кони (Кюнер, 1961), на которых сарматы и аланы появились на Боспоре (Цалкин, 1960; Шургая, 1983). О близости образов коня и змея у алан писал Низами Гянджеви ("Искандер-наме"). Маррко Поло ("Путешествие...") описал монгольский праздник с явлением белого трехного коня, что соотносится с праздником Уастырджи у осетин. Судя по отсутствию в искусстве древнего Востока образов, подобных мельгуновскому, образы волшебных коней имели древние корни в скифской культуре.

Примечательно, что активные действия трехногого коня Уастырджи наблюдаются только в сказании о склепе Дзерассы, которое сопоставляется со скифской легендой о происхождении Таргитая (Абаев, 1982). Образы Дзерассы и коня позволяют, на мой

взгляд, усматривать в сказании и мотив инцеста в его зооморфном варианте, реконструируемый по скифскому миру (Раевский, 1977). Действие в склепе напоминает о воспроизведении в рамках скифских курганов мифологической модели мира (Полидович, 1994; Саенко, 1994) и о появлении монументальных погребальных сооружений, носящих признаки ритуальных посещений (Курочки, 1993). Особо отметим проводимую параллель между курганами Бесшатыра и курганом №3 в Уш-Тобе (Григорьев, 1871; Исмаилов, 1990) и сведениями Элиана о предбрачных схватках сакских мужчин и женщин в подземельях. Мотив посещения погребения конем имеет широкое распространение в мировом фольклоре и отражает древние обряды, связанные с культом предков (Пропп, 1946; Баранникова, 1978). Культовые характеристики курганов позволяют отметить, что конь был как погребальным, так и психотомпным животным, переносившим шаманов в иной мир. Такой восьминогий конь известен у бурят, японцев, индийских муриа и германцев, а трехногий конь – у якутов (Элиаде, 1987). "Нехватка" ног может заменяться и их избытком, как демонстрирует балкаро-карачаевский Дулдур. Отмечается сохранение осетинским эпосом имени ирано-скифского вождя прародителя Хошанга в имени гиганта, скачущего на двенадцатиногом коне, а изображения многоногих коней фиксируются на серебряном кубке из Добруджи (Ельницкий, 1977).

Родившаяся в склепе эпическая Сатана соотносится со скифским первопредком Таргитамем, и мы, представляется, имеем возможность выяснить дату ее рождения. В прошлом осетины трехногим конем Уастырджи называли созвездие Ориона (Потанин, 1899), которое 22 декабря принимает горизонтальное положение, словно "падает", что ассоциируется со спуском эпического коня с неба в склеп. Таким образом, рождение героини приходится на ночь с 22 на 23 декабря, что согласуется с предполагаемым днем рождения скифского первоцаря Колаксия (Раевский, 1977). Интересно, что с Орионом мифы связывают первопредков армян Хайка и монголов Худехей-мергена. Предлагаемая трактовка напоминает об астрономической основе сцен терзания, столь популярных у скифов (Кузьмина, 1977; 1987) и связанных с царским культом и праздником нового года, но предполагает не столь категоричное утверждение о забвении этой основы.

В Северном Причерноморье гиппокампы изображались и в популярных сценах привоза нереидами оружия Ахиллу (анапский саркофаг III в. до н.э.), что интересно на фоне сопоставления образов нартовского Сослана и Ахилла (Thordarson, 1972) и трактовки изображений сцен из биографии Ахилла на скифских горитах (Раевский, 1980),

И.И. Гущина, Д.В. Журавлев

Римский импорт из могильника Бельбек IV

Среди находок в могильнике Бельбек IV (Юго-Западный Крым) большой интерес вызывают находки предметов импорта из римских провинций.

Амфоры. Узкогорлые светлоглиняные амфоры присутствуют в погребениях как целиком, так и в виде обломков при засыпке могильных ям, а также из т.н. "тризны". В основном они представлены сосудами типа В и С по Д.Б.Шелову, есть несколько амфор типа Д. Встречены также обломки широкогорлых амфор с двустольными ручками (тип С-16 по С.Ю.Внукову).

Краснолаковая керамика. Более чем 500 сосудов могильника разделяются на несколько групп как по хронологии, так и по производственным центрам. Присутствуют изделия группы Earsten Sigilata B (в отечественной литературе ошибочно относимые к продукции Самоса) второй пол. I в.н.э., итальянская чаша, датированная 20–30 гг. н.э. с клеймом АТЕI

арретинского производства. Ряд сосудов можно связать с пергамскими мастерскими ("группа Чандарли") второй пол. I – первой пол. II вв. н.э. Часть керамики пока невозможно конкретно отнести к тем или иным центрам, но она группируется как по формам, так и по глине. К изделиям малоазийского или островного центра (Пергам или Книд) можно отнести фигурный лягинос I в.н.э. с рельефными эротическими сценами на тулове.

Бронзовая посуда. В могильнике найдено три ковша типа Eggers-140 рубежа I–II вв., ойнохоя (в комплексе с серебряным денарием Клодия Альбина 194–195 гг.) и таз полусферической формы с каннелированным туловом, и ручкам, атташи которых украшены утиными головками, датированный 50–150 гг. Все эти вещи происходят из западных провинций Римской империи и находят широкие аналогии как в европейских древностях, так и в сарматских памятниках Подонья и Поволжья.

Стеклопосуда. Подавляющее число стеклянных изделий – это бальзамарии различных типов, в основном, местного производства. Также представлены чаши, кубикосы, кувшины, миски, стаканы. Среди них выделяется небольшая группа итальянской посуды, есть ряд сосудов, изготовленных в мастерских Малой Азии и Сирии, преобладает же продукция причерноморского производства.

Фибулы. Большинство их представлено обычными для северопричерноморских памятников образцами. Среди достаточно редких фибул – фигурные с эмалью, производства Паннонии или западных римских, датирующиеся первой пол. II в., а также типа AVCISSA, датированная I в.н.э.

Прочие предметы. Среди них наибольшего внимания заслуживают бронзовая фигурка Эрота, первоначально служившая для украшения сосуда или ларца, а затем вторично использованная как подвеска, о чем свидетельствует отверстие в крыле и продетая в него проволока, еще одна небольшая подвеска-Эрот, бронзовый плоский круглый диск с изображением орла (медальон – ?), глиняный светильник с изображением быка на щитке, а также терракота: погремушка-"колыбелька" с изображением Эрота с факелом в руке.

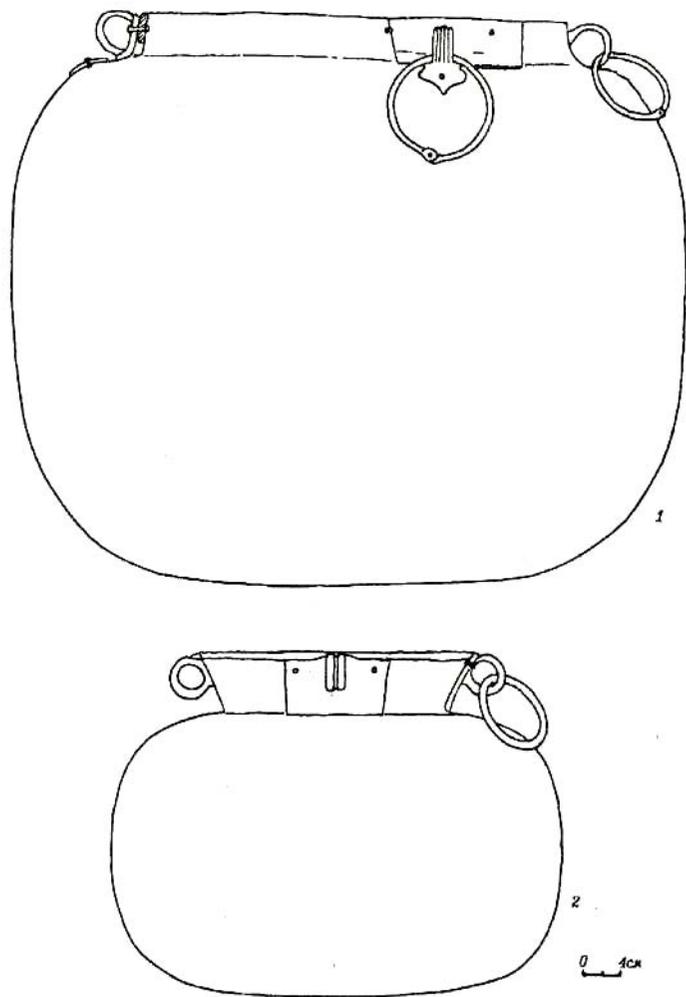
В качестве импорта к населению Бельбекской долины попадали также бусы, подвески из египетского фаянса, перстни с геммами, свинцовые зеркала, броши с изображением женского божества и др. Находки монет единичны.

Все вышеуказанные предметы не выходят за рамки середины I – конца II вв. н.э. (может быть, самого нач. III в. – например, амфоры типа Д). Датировка античного импорта по всей видимости и определяет хронологию могильника. Погребения Большбекского могильника содержат наибольшее количество римского импорта среди всех памятников Юго-Западного Крыма, что в первую очередь надо объяснить близостью его к Херсонесу.

А.П. Медведев

Медные кованые котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону

В 1979 г. в Правобережье Среднего Дона были случайно найдены и переданы в Острогжский музей два медных кованых котла, резко отличающихся от обычных литых среднедонских котлов скифского типа. Проведенное нами тогда же обследование места находки показало, что котлы происходили из одиночного кургана высотой ок 3м, диаметром 40–50 м, расположенного в 1 км к северу от хут.Аверино Острогжского р-на Воронежской области. Ко времени осмотра его насыпь была полностью снесена экскаватором. Со слов механизаторов удалось установить место находки – у края СВ насыпи, что подтвердилось и при исследовании памятника. Здесь на уровне древней

поверхности зафиксировано скопление медных окислов, отдельные фрагменты лепной и круговой керамики. Судя по всему, котлы входили в состав какого-то внешнегильного комплекса (тризны, погребальных даров и т.п.).

Котел 1 имеет округлое тулово с несколько уплощенным дном и низкое прямое цилиндрическое горло (рис. 1:1). Изготовлен из листовой красной меди толщиной 1–1,5 мм. Его высота 65 см, максимальный диаметр тулова 76 см, диаметр горла 48 см, при высоте 5 см. Для большей жесткости основу горла составляет железный обруч, вокруг которого загнут медный лист венчика котла. Здесь к горлу и частично к плечикам при помощи заклепок крепятся две бронзовые литые прямоугольные накладки с отлитыми вместе с ними округлыми петлями, в которые продеты кольцевидные железные подвижные ручки диаметром 12 см (одна не сохранилась). Бронзовые накладки имеют сердцевидные атташи. Котел имеет следы длительного использования: многочисленные заплатки на дне из той же листовой меди. Одна из бронзовых накладок, скорее всего, изготовлена позже. Она толще и грубее, прямоугольной формы. При ремонте была сохранена нижняя сердцевидная часть старой накладки.

Котел 2 отличается значительно меньшими размерами и формой (рис. 1,2). Он имеет округлое, приплюснутое тулово с уплощенным дном и более высокое расширяющееся к венчику горло. Изготовлен он из такой же листовой ковanej меди. Наибольший диаметр тулова 50 см, высота 38 см, диаметр горла 33 см при высоте 7 см. К горлу приклепаны две массивные прямоугольные накладки с кольцевидными петлями. В одной из них сохранилась подвижная литая кольцевидная ручка диаметром 10 см.

Большой котел имеет аналогии среди кованых подвесных котлов, найденных на Кубани (Курджипский и Семибратные курганы) и на Балканах (Кукова Могила и Вергина) Л.К.Галанина высказала предположение об их местном, северокавказском, производстве. Однако медные котлы близкого типа появляются в Греции и Малой Азии уже в раннеархаическое время (Гордион, tumulus P), с VI в. до н.э. они известны в Этруррии. Кубанские, балканские и среднедонские котлы скорее всего являются античным импортом или дериватами античных образцов. Второй котел меньших размеров близок котлу из Жутовского могильника, хотя и несколько отличается конструкцией накладок и петель.

Хорошо датированные аналогии позволяют ограничить время аверинских котлов IV–III вв. до н.э. Их находка указывает на очень высокий социальный ("княжеский") ранг лица, погребенного в кургане.

И.Н. Парусимов

Позднесарматский могильник Большая Мазанка II

1. Значительная часть захоронений позднесарматского времени на Нижнем Дону раскопана на левобережье. Это в какой-то мере связано с широкомасштабными работами в зонах мелиорации.

2. В 1994–1995 гг. экспедиция Новочеркасского музея истории донского казачества проводила работы на мог. Б.Мазанка II в Зимовниковском районе Ростовской обл. на водоразделе рек Мал.Куберле и Мал.Гашун, на ограниченном западинами небольшим возвышении. Восемь курганов могильника и поминальный комплекс вытянуты по линии 3-B на 130 м. Задернованные индивидуальные насыпи высотой 10–20 см и диаметром 8 м, в одном случае погребение было впущено в курган срубной культуры (№ 1).

3. Погребальные сооружения представлены катакомбами и подбоем. Входные колодцы катакомб округлые или овальные в плане, камеры располагались к северу. Пять погребений ограблены в древности, причем, судя по "методу" (не выбирался полностью засыпанный глиной входной колодец) в одно время. В двух зафиксировано вытянутое положение погребенных с ЗЮЗ ориентировкой. Везде по дну камер прослежена подстилка: мел и черный тлен, или что-то одно. Могила с подбоем ориентирована ССВ-ЮЮЗ с расположением погребальной камеры к З. На территории могильника собраны фрагменты сероглиняной и амфорной керамики, в трех насыпях найдены остатки тризны (сероглиняная керамика), а в одной из них тайник (детали конской упряжи относились к самой крупной катакомбе из кург.1).

4. Погребальный инвентарь: сосуды из керамики и дерева (сохранились серебряные обкладки венчика), орудия труда, украшения и амулеты. В неограбленных погребениях керамика располагалась у туловища погребенных, фибулы - на правом плече (в двух случаях найдены железная и бронзовая).

5. Напутственная пища зафиксирована в пяти захоронениях. Это отрубы левой (2) или правой (3) задней ноги с половинкой таза барана. Все особи крупные, возраст от 9 мес. до 3,5 лет. В двух случаях на костях сохранились окислы железа, вероятно, от воткнутого ножа.

6. Пять погребений оказались детскими (в том числе и в подбое), а остальные принадлежали взрослым. В одном случае череп мужчины имел лобно-затылочную деформацию.

7. Поминальный комплекс представлял собой слабовыраженный круглый в плане валик диаметром 16 м, в центре которого был исследован небольшой затекший котлован. На древней поверхности и в слое затека собраны фрагменты сероглиняных сосудов.

8. Погребальный обряд и инвентарь могильника имеет многочисленные аналогии в позднесарматских памятниках III–IV вв. на Нижнем Дону. Полное его исследование представляет несомненный интерес для изучения материальной и духовной культуры населения данного региона в III–IV вв.

В.Б. Виноградов

Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа

А.Н.Зограф (1945) и Е.А.Пахомов (1926–1966) оставили непревзойденные по широте охвата и подробности своды находок античных монет на Кавказе. Их существенно пополнила сводка В.В.Кропоткина (1961), представившая клады римских монет вплоть до 491 г.н.э. - признанного рубежа между "римскими" и уже собственно византийскими монетными чеканами. В последнее десятилетие заметно пополнились данные о коллекциях Северного Кавказа за счет выхода в свет специальных работ, посвященных обобщению и анализу соответствующей источниковедческой базы в конкретных областях и территориях (В.Б.Виноградов, Я.Б.Березин, С.Н.Савенко, 1985; В.Б.Виноградов, 1981,1982; В.Б.Виноградов, А.Б.Депуева, 1990 и др.), что позволило, в частности, поставить вопрос об отставании ряда конкретных микрорегионов в степени нумизматической обеспеченности и изученности (И.В.Кистярева, 1994 и др.).

Вполне справедливо мнение о полном преобладании в Северо-Восточном Причерноморье в античное время боспорских массовых чеканов (И.В.Кистярева, 1995). На этом фоне поток монетных поступлений из собственно Эллады, Рима, его провинций,

ближневосточных государств был незначителен, хотя и ощущался в ареале Боспорского царства. А сами боспорские монеты, плотно группируясь в памятниках Таманского полуострова и побережья Черного моря, изредка (и чем далее на юго-восток, тем реже) встречаются в Адыгее (Майкоп, Ханская и др.), на Средней Кубани (Хамкетинская, Прочный Окоп ?), в Кабардино-Балкарии (Нижний Чегем). Самая отдаленная и изолированная пока находка - остатки клада, обнаруженного у сел.Галашки (Ингушетия) в 1990 г. (В.Б.Виноградов, 1991). Все они связаны с объектами своеобразной ландшафтной зоны (подошвы лесистых предгорий - "Черных гор"), отмеченной горско-степным этнокультурным синтезом.

Иначе смотрятся собственно эллинские и римские монетные находки, явственно тяготеющие к памятникам равнин и степей Северного Кавказа (от Восточного Приазовья до Северного Дагестана), заселенных сарматскими и родственными им племенами с их широким и специфическим ареалом международных контактов. Особую статью составляют образцы различных монет-подражаний - "синдонов", "римских денариев с типом идущего Марса", "статеров Александра Македонского" в Осетии и Кабардино-Балкарии, а также в степи между Азовским морем и местом слияния Сунжи и Терека. В их появлении на территории региона могут усматриваться как обстоятельства из истории Иберии (Грузии), так и особенности влияния греческих полисов Причерноморья на экономическую и политико-социальную жизнь северокавказских соседей. Находки позднеантичных (восточноримских) солидов (от Кубани до Чечено-Ингушетии) представляются ценным источником знаний о направлении и характере связей северокавказских обитателей начальных столетий новой эры.

Среди недавних находок имеются образцы уникальные, нуждающиеся в специальном атрибутировании (Грозненский клад 1977 г., монета из погребения № 17 могильника Мартан-Чу и др.).

Первоочередной задачей видится исчерпывающее картографирование всех нумизматических разновидностей античного времени на Северном Кавказе, проверка и систематизация сведений о составе и условиях находки греческих, римских и подражающих им монет в контексте их географической и этноисторической локализации и взаимной увязки.

Все вместе это позволяет яснее понять место и роль многоязыкого и многоплеменного населения Северного Кавказа в событиях, обеспечивающих первые "волны" монетных поступлений в регион.

М.А. Балабанова

Сарматское население Нижнего Поволжья

Этническая история кочевых племен раннего железного века Доно-Уральского междуречья насчитывает много нерешенных проблем. Четырехступенчатое хронологическое членение памятников этого времени лишь усугубляет их, а не решает.

В этой связи интересно проследить соотношение населения по краниологическим выборкам из разновременных сарматских погребений одного и того же могильника, тем более, что опыт подобного исследования единичен. Это Калиновский могильник опубликованный В.В.Гинзбургом в 1959 году.

Краниологический обзор выборки Калиновского могильника, как простыми, так и многомерными методами статистики подтверждает вывод В.В.Гинзбурга о смешанности серий всех трех периодов. Усредненная характеристика "калиновцев" прохоровского и среднесарматского времени укладывается в рамки типичные для населения раннего

железного века Волго-Донья и очень близка к краниотипу мужчин Бережновки-II. На материалах из Калиновки прослеживается преемственность поздних прохоровцев и средних сарматов. Более того, выделяется целая группа погребений, которая носит и ранне- и среднесарматские черты погребального обряда. Знаменательно, что женские серии, хотя и в большей степени смешанные, оказались близки мужским.

Что же касается палеоантропологии территориально близких могильников Бережновка-I и II, то анализ выявил различные краниотипы и среди женского и среди мужского населения. Кроме того, результаты исследования обоих могильников свидетельствуют о преемственности основного мужского населения, или о возможном сосуществовании его на первых двух этапах сарматской культуры.

Если для мужчин Бережновки-I характерен широкоголовый и высокосводчатый компонент с широким, средневисоким и слегка уплощенным лицом, особенно на среднем уровне, то для Бережновки-II морфологическое единообразие сарматов II в. до – первой пол. II в. н.э. и описывается усредненным краниологическим комплексом, связанным с длинным, мезокранным, низкосводчатым черепом. Параметры лицевого черепа укладываются в среднемировые значения. Профилировка его резкая. Носовая область имеет одинаковое строение с краниотипом Бережновка-I. Очевидно, крупные могильники Бережновка-I и II оставили какие-то две родо-племенные группы, проживающие по-соседству, и отличающиеся друг от друга морфологически. Тщательный обзор женских серий показывает, что брачные связи в исследуемых популяциях, видимо, распространялись не только на женщин своего племени, но и соседнего тоже. Наличие же в группах европеоидно-монголоидных метисов свидетельствует о межрасовых контактах.

Какую ситуацию рисуют другие могильники? Были исследованы еще три могильника из Астраханского правобережья (Кривая Лука, Старица и Кузин) и два могильника из Волго-Донского междуречья (Терновский и Первомайский).

Ранние сарматы Кривой Луки еще в большей степени смешаны. Возможные объяснения этому феномену можно найти в наличии многочисленных курганных групп, локализованных в этом урочище. Эти некрополи предположительно связываются или с разными родоплеменными группами, или же с частью населения, различающегося сословно.

У мужчин-прохоровцев долихокранные и брахикранные черепа распределяются приблизительно поровну, от этого черепной указатель у них мезокранный. Половой диморфизм у женского населения сухого русла Волги направлен в сторону повышения и высотных, и широтных признаков, и общей массивности черепа

Сведения, которые можно почерпнуть из анализа среднесарматской выборки из этого же могильника, как впрочем и двух других (Старица и Кузин), свидетельствуют о частичном заселении низовий Волги мигрантами еще на рубеже эр. Долихокранный, резко профилированный комплекс в это время превалирует над брахикранным. Наблюдается частичная преемственность населения жившего уже в новой эре.

В двух выборках последних периодов сарматской культуры из могильника Кузин ранний этап не представлен. Среди них зафиксирован набор признаков, близкий срубникам Поволжья. Подобный "атавизм" объясняется скорее не генетическим, а морфологическим сходством. По результатам межгруппового анализа сарматы Кузина, в большей степени, близки населению Приаралья и Центральной Азии первых вв. н.э.

Сарматы Волго-Донского Междуречья были еще более пестрыми по своему составу. Тем не менее, в каждой из трех выборок Терновского могильника и двух первых Первомайского (черепа позднесарматского времени не представлены) преобладает один какой-то компонент, одно какое-то морфологическое начало, что делает суммарные

сопоставления не лишены смысла. А именно: частичная общность генофонда. Отличительной особенностью сарматов Волго-Донья, по имеющимся данным, является узкое и очень низкое лицо со слегка ослабленной горизонтальной профилировкой. Нос выступает умеренно. Средние всех пяти серий отсюда по указателю мезокранные. Истоки низкого компонента выводятся неоднозначно.

Краниотип сарматов II–IV вв. н.э. повсеместно имеет тенденцию к изменению широтных в сторону их уменьшения. Черепной указатель чаще долихокранный. Эта особенность не обязательно связана с традицией искусственно деформировать череп. Серии с искусственной деформацией демонстрируют более высокосводчатый компонент. Отмечается также и повышение некоторых высотных признаков лицевого скелета. Обе позднесарматские серии с резкой профилировкой лица на всех уровнях.

Таким образом, анализ разновременных выборок сарматов показывает чрезвычайно сложный процесс их энтогенеза.

На первых двух этапах существования сарматской культуры, вероятнее всего, культурные инновации протекали без значительных инородных этнических включений. Намечается наличие какого-то морфологического начала, которое объединяет все население обеих Сарматий. Вполне допустимо, что из этого древнего комплекса сохранились лишь очень низкие и широкие глазницы и, может быть, низкое лицо.

Предположительно, это морфологическое начало выводится из андроновских древностей восточной локализации культуры.

В нач. н.э. появляется новый краниологический комплекс с позднейшей традицией накладывать деформирующие конструкции на голову ребенка еще в младенческом возрасте. Генетические корни этого комплекса уходят на восток и, видимо, связаны с перемещением отдельных групп кочевников в район Нижнего Поволжья. Население II–IV вв.н.э. имеет совершенно иной облик, что объясняется массовыми миграциями.

В.Б. Ковалевская, А.В. Мастыкова

Компьютерная обработка раннесредневековых бус Юго-Восточной Европы

Бусы являются наиболее массовым материалом в средневековых могильниках ЮВ Европы второй пол. I тыс. н.э. Изучение их позволяет с большой точностью определить дату памятника, появление и уровень развития производства, направление, характер и интенсивность торговых связей. Следовательно, бусы можно и должно рассматривать под различными углами зрения, т.е. на разнообразный, многочисленный и многокрасочный материал раннесредневековых бус можно наложить систему различных классификаций. Необходимо подчеркнуть, что о технике производства различных стеклоделательных мастерских Ближнего Востока и Европы, как правило, мы судим по импортам, происходящим с наших территорий.

Обширные исследования по анализу качественного состава стекла и, соответственно, применяемых рецептов обобщены в последних работах Ю.Л.Щаповой и это позволяет за анализируемыми материалами увидеть те ремесленные мастерские, из которых они происходят. Полученные Ю.Л.Щаповой семейства гипербола состава древних стекол в мировом стеклоделательном производстве (Щапова Ю.Л., 1983, 1988) сегодня являются подтверждением существования в археологии устойчивых негауссовских распределений (типа закона Ципфа-Парето, Лотки, Брэдфорда, Мандельброта).

Другой системой координат, накладываемой на бусенный материал, является технологический подход. В серии работ З.А.Львовой (начиная с конца 50-х гг. и по настоящее время) создан принцип классификации, который предусматривает анализ различных приемов горячей и холодной обработки бус и способы их декорирования.

Третьей системой координат для анализа бусенного материала является его морфологическая классификация - основной работающий инструмент для использования бус в качестве хронологического индикатора.

У истоков современных классификаций стоят классические работы Эйзена, Бека, Дикшита, Г.Леммлейна, а более поздняя литература у нас и за рубежом настолько обширна, что рассматривать ее в тезисах нереально. В нашем случае мы опираемся на классификацию, предложенную одним из авторов доклада (59–61 гг., 63 г., 73 г.).

В докладе показано, как работает предложенная классификация. Используется реляционная база данных, в целом состоящая более чем из 1,5 тыс. комплексов, содержащих более 20 тыс. бус (несколько десятков файлов), рассмотренных по единой программе по сочетанию 250 условных типов каменных и стеклянных бус. Проведен кластерный анализ на материалах эталонных могильников для упорядочения комплексов и факторный анализ для определения тех факторов, которые формировали выделенные кластеры. В результате была получена хронологическая система распределения всех рассматриваемых типов по хронологическим срезам в среднем равная 30 + 5 лет для V–IX веков.

Работа данного коллектива (В.Б.Ковалевская, Д.С.Коробов, А.В.Мастыкова) производится при поддержке Научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

И.В. Волков

Топонимы итальянских портоланов XIII–XV вв. и реальный контекст

Изучение итальянских портоланов, захватывающих Причерноморье и Приазовье шло в основном в прошлом веке и в начале текущего. Зарубежные и отечественные авторы, главными из которых были Я.Потоцкий и Ф.Брун, шли по пути сопоставления данных античных (в меньшей степени средневековых) писателей, самих портоланов и современных карт. Данные археологии привлекались ими в значительно меньшей степени, т.к. изучение древностей Приазовья тогда еще только начиналось. Незначительный сдвиг в этом направлении сделали исследователи, работавшие в начале века (Е.Фелицын, М.Миллер и др.) Опубликованные в то время копии портоланов давно уже стали библиографическими редкостями и большинство исследователей археологических памятников Приазовья не имеет возможности ими пользоваться. В связи с этим интересно идентифицировать с конкретными местами те названия, которые упоминаются на портоланах, главным образом, на побережье Таганрогского залива.

Для идентификации существенны те топонимы и детали очертаний берегов, которые могут быть привязаны к местности бесспорно. К таковым относится Тана, которая безусловно вписывается в пределы Азовской крепости. На некоторых портоланах отчетливо выделен Ейский лиман. На всех картах присутствует Должанская коса. Еще Ф.Брун убедительно сопоставил Паластру итальянцев с современной Белосарайской косой.

Река Росса. Связывать название именно с рекой позволяет присутствие на нескольких картах перед топонимом сокращения fiume (Бенинказа, 1480; Фредуче, 1497) и f. (Ит. XV).

Я.Потоцкий и Ф.Брун считали, что это Кальмиус. Аргументация Ф.Бруна имела ярко выраженный дедуктивный характер: Росса - река, по которой русские должны были попадать из Азовского моря в Днепр; наиболее короткий волок лежит на маршруте Кальмиус-Волчьа-Самара-Днепр, следовательно, Росса - это Кальмиус. Однако этому противоречит то, что на всех портоланах Росса находится совсем незначительно западнее Ейского лимана и значительно восточнее Должанской косы, такое соотношение более характерно для Миуса (или мелких рек - Мокрого и Грузского Еланчиков, которые вообще едва ли попали бы на карты). Самым веским доводом в пользу мнения Я.Потоцкого является то, что на карте Московии Сигизмунда Герберштейна к востоку от реки Россы обозначен небольшой залив очень напоминающий Миусский лиман с Беглицкой косой. Но именно на этой карте Росса имеет в среднем течении излучину, обращенную на запад, что скорее, характерно для Миуса. Как видим, данных для идентификации недостаточно, но мне представляется более предпочтительным сопоставление Росса - Миус.

Кабарди. Порт, располагавшийся у Беглицкой косы. Очевидно, это одно из самых удобных мест для разгрузки судов на лодках. Порт упомянут в трактате Франческо Пеголотти. Может быть сопоставлен с поселением на территории Семеновской крепости (западная окраина 16-го участка с.Беглицкая Коса). Не исключен (хотя и очень сомнителен) вариант расположения этого пункта в районе с.Ново-Золотовки, восточнее косы. Во всяком случае совершенно очевидно, что главным ориентиром для составления карт была именно Беглицкая коса.

Порто Пизано. При идентификации необходимо выбрать один вариант из двух возможных: Самбекское или Куричанское поселения (расположены соответственно на западном и восточном берегах р.Самбек). В силу того, что на большинстве портоланов слово расположено у восточной части обозначенной бухты, предпочтительнее связывать название с Куричанским поселением. Об этом же должно свидетельствовать и присутствие на поселении слоя XIII века.

Маграмиссо. На одной из карт дано полное наименование: Ins. de Magramisi. Следовательно, название должно относиться к одному из островов дельты Дона (Я.Потоцкий и Ф.Брун связывали его с о. Алопекия античных авторов). Целесообразно относить название к тому острову, на котором есть значительное средневековое поселение. Таковым можно считать поселение Казачий Ерик. Однако менее значительное, но более позднее поселение находилось рядом с х.Донским. Именно мимо этого острова шел самый короткий водный путь к Тане. Большое количество монетных находок XIV в. происходит из х.Рогожкино (где также пролегал водный путь по Большой Кутерьме). При этом вполне возможно, что мореплавателям XIII–XV вв. система островов дельты Дона вообще была известна не очень хорошо и название Маграмиссо относилось или к дельте в целом, или могло переходить с одного острова на другой.

Юго-восточное побережье Азовского моря исследовано значительно хуже. Мне известны здесь поселения, которые достоверно относятся ко времени составления портоланов.

Копя. Это название присутствует на портоланах. Иногда этим словом обозначена р.Кубань (Гипанис византийских авторов). Однако известно, что существовал и населенный пункт Копя, где находился генуэзский консул с администрацией. Наиболее вероятна связь Копы с большим поселением в ст. Голубицкой, где хорошо представлен слой XIV в.

В заключение отмечу, что портоланы, как и более поздние карты, не совсем точно отражают реальную ситуацию: названия населенных пунктов продолжают фигурировать даже после их исчезновения (в этих случаях они обозначают названия местности). При

отсутствии постоянного оседлого населения такое название могло со временем переместиться.

А.Ю. Чирг

Работорговля на Черноморском побережье Кавказа в первой половине XIX в.

Вывоз рабов из Северного и Восточного Причерноморья был довольно распространенным явлением уже в античное время. В XIII–XV вв. итальянские купцы поставляли невольников с черноморских берегов в Египет и страны Западной Европы. Однако наибольший размах работорговля на Черном море получила со времени утверждения в XVI в. господства Османской империи и продолжалась в течение всей первой пол. XIX в.

На Черноморском побережье Черкесии, до 1829 г. входившем в состав Османской империи, находились крепости Анапа и Суджук-Кале (Новороссийск). Это создавало Порте благоприятные условия для торговли с адыгами и убыхами. Современник и очевидец описываемых событий генерал Н.Н.Раевский писал, что "...торговля с восточными берегами (Черного моря - А.Ч.) снабжала рабами всю Турецкую империю, работниками трапезонтские рудники, рекрутами мамелюкское войско и женами восточные гаремы".

Рабы являлись главной статьёй османского вывоза с СЗ Кавказа. Купцы поставляли их в Стамбул, а также в Анатолию, Румелию и др. области империи. Большой спрос был на детей 6–12 лет, а также на способных к службе в армии мужчин. С наибольшей охотой покупали у горцев адыгейских девушек и женщин. В Османской империи рабов эксплуатировали в сельском хозяйстве, труд их применялся при добыче меди, железа и мрамора, а также на строительных работах. Лишь отдельным юношам, привезенным работорговцами с Кавказа, удавалось достичь важных должностей при дворе.

Главным складочным местом османских торговцев на СВ побережье Черного моря являлась крепость Анапа. Пунктами работорговли были также небольшие бухты побережья и устья рек Пшады, Джубга, Ту, Вулан. Значительная торговля велась в Суджук-Кале, Геленджике, Сочи. До 1834 г. в Суджук-Кале находилось 150 турецких и черкесских лавок.

Некоторые турецкие работорговцы, не довольствуясь торговлей на побережье, проникали вглубь территории Закубанья. Однако торговля в горах СЗ Кавказа в первой пол. XIX в. была далеко не безопасным делом. Появившийся в Закубанье путешественник, или любой чужой человек рисковал быть обращенным в раба, если он не имел здесь кунака, знакомого. Впрочем, не прочь были поживиться путем обмана или вероломных нападений на партнеров османские работорговцы, которые не были мирными купцами и часто пускали в ход оружие. Для обеспечения безопасности торговли иностранные купцы использовали бытовавший среди адыгов обычай куначества.

Порта всячески поощряла работорговлю на СВ побережье Черного моря. То было время, "... когда в гаремном обиходе турецкой аристократии установился модный "черкесский стиль" (Покровский, 1957).

Россия вела борьбу против торговли рабами. Так, в 1804 г. было издано распоряжение о запрещении торговли невольниками, вывозившимися из-за р. Кубань, а в 1808 г. указ о том, чтобы всех "ясырей" считать свободными от рабства.

Борьба России против работорговли приняла более решительный характер после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подписания Адрианопольского

договора. По условиям его четвертой статьи, восточный берег Черного моря от устья р.Кубани до пристани св. Николая входил в состав России. Торговля рабами на Черноморском побережье была запрещена. Вопреки запрещению правительства России, османские купцы продолжали вести торговлю на Кавказском побережье, поскольку она приносит большие доходы, но деятельность их принимает контрабандный характер. Некоторым из них удавалось провозить невольников, несмотря на крейсирование русских судов. Крупный работорговец Хатавжука-Необате отвез в марте 1839 г. в Стамбул на продажу 27 черкешенок. В мае 1843 г. было захвачено контрабандное судно с аналогичным грузом.

В Туапсе АФонвилль побывал в хижинах на берегу Черного моря, где обычно содержались купленные рабыни в ожидании судна. Он так описывал их: "Внутренность хижин была очень оригинальна; невольницы сидели в них на корточках, вокруг огня, и когда посетитель приближался к ним, они поспешно вставали, кланялись и, потупив глаза в землю, оставались неподвижными, в ожидании обращения к ним с речью".

Трудно определить общее количество невольников, ежегодно вывозившихся в Османскую империю в первой пол. XIX в. Данные подобного рода никем систематически не фиксировались. С.М.Броневский (1823) считал, что с Черноморского побережья ежегодно вывозилось от 2 до 3 тыс. невольников. По данным, приводимым С.К.Бушуевым, до усиления действий Русского флота ежегодно в Константинополь вывозилось до 200 судов с черкесскими рабами.

Л.Я.Люлье писал, что в Анапу в среднем ежегодно прибывало от 40 до 50 судов, причем, каждое судно увозило до 40 рабов. Можно подсчитать, что из Анапы, являвшейся до 1829 г. главным транзитным пунктом импорта и экспорта Адыгеи, ежегодно вывозилось от 1600 до 2000 невольников. Прибавив к этому числу вывезенных через другие пункты адыгейского побережья, можно приблизительно принять цифру ежегодного вывоза ок. 3 тыс. человек. В дальнейшем количество вывозимых невольников снизилось из-за усиления борьбы России против работорговли.

Цены на рабов определялись в зависимости от целей, для которых они предназначались, а также от пола, возраста, красоты, стройности, физической силы и состояния здоровья.

Как сообщает Н.Каменев, женщина на месте, внутри Закубанья, продавалась за 200–500 руб. серебром, а девушки – за 500–800 руб. Когда же их привозили на берег Черного моря, стоимость их повышалась до 500–800 руб. за женщину, а за девушку до 800–1500 руб. При покупке рабынь присутствовали свидетели, и муллами за вознаграждение составлялась "дефтер" – купчая. Цена красавиц, покупавшихся для гарема какого-либо высокопоставленного сановника или самого султана, могла колебаться, как считает Т.Лапинский, от 50 до 100 тыс. пиастров, цена на мальчиков – от 200 до 500 руб. серебром. Унауты внутри Закубанья продавались за 100–300 руб., а у карачаевцев и ногайцев за 400–500 руб.

Контрабандный вывоз невольников из Закубанья и с СВ побережья Черного моря в Османскую империю продолжался до нач. 60-х гг. XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Мартынов О возникновении и этапах развития связей между первичными цивилизациями и степным евразийским миром.....	3
В.Р. Эрлих Импорты и проблема абсолютного датирования комплексов предскифского и раннескифского времени (на примере памятников Закубанья).....	4
Е.А. Беглова К проблеме импорта технологии.....	6
Б.Ф. Железчиков, А.В. Фалалеев Связи ранних кочевников Южного Приуралья с соседями в IV--III вв. до н.э.....	7
Н.Е. Берлизов К интерпретации ахеменидского импорта в сарматских курганах Южного Приуралья и Прикубанья.....	8
А.А. Мальшев Особенности распространения античного импорта в Прикубанье (по данным античной керамики IV-I вв. до н.э.).....	10
Е.В. Власова Ритоны из Семибратних курганов.....	11
А.Р. Канторович Образ оленя в степной Скифии и некоторые проблемы изучения скифского звериного стиля.....	13
Г.Н. Вольная Об одном античном образе в скифских памятниках.....	14
Ф.Х. Гунтов К вопросу об этногенезе ранних алан.....	17
А.А. Цуцнев Яньцай и ранние аланы.....	18
С.А. Яценко О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато- аланами (середина I-III вв. н.э.).....	19
А.А. Гуаллагов Греческие гшшокампы и трехногие кони нартовского эпоса осетин.....	21
И.И. Гущина, Д.В. Журавлев Римский импорт из могильника Бельбек 4.....	22
А. П. Медведев Медные кованые котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону.....	23
И.Н. Парусимов Позднесарматский могильник Большая Мазанка 2.....	25
В.Б. Виноградов Задачи изучения античных нумизматических материалов в древностях Северного Кавказа.....	26
М.А. Балабанова Сарматское население Нижнего Поволжья.....	27
В.П. Ковалевская, А.В. Мاستыкова Компьютерная обработка раннеерднеевразийских бус юго-восточной Европы.....	29
И.В. Волков Топонимы итальянских портоланов XIII-XV вв. и реальный контекст.....	30
А.Ю. Чирг Работорговля на Черноморском побережье Кавказа в первой половине XIX века.....	32

Подписано в печать 25.09.1996 г., объем 2 п. л., тираж 100 экз., заказ 890

346400, г.Новочеркасск, уя. Просвещения. 132 Типография НГТУ